

Anna Gomóła

Jan Michal Witort – introduction to the anthropology of the generation of “scientific people”

Summary

The category “scientific people” was used by Zygmunt Wasilewski in his publication entitled *Warszawa współczesna w dwunastu obrazkach* – Lwów, 1903 (Contemporary Warsaw in twelve pictures – Lviv, 1903). Its author, addressing the Poles in Galicia, attempted to present how their compatriots were living in Warsaw, e.g. he explained what phenomena affected the limitation of scientific research in the Russian partition. Polish scientific life in the nineteenth century developed differently from that in countries whose independent political existence facilitated a relatively fast economic development and free operation of universities and important institutions of social life. In European countries, the rising industrialization markedly influenced schools of various types and stimulated the development of scientific research. These processes, albeit to a varying degree, penetrated the Polish territories, too. Yet, the influence they exerted on secondary and university education was fairly limited.

The man, whose scholarly path I shall present, came from Panevėžys region (Kovno Governorate), i.e. the part of the Russian partition, which was officially referred to as the Northwestern Krai (which included the following Governorates: Vilna, Kovno, Grodno, Minsk, Mogilev, Vitebsk). In Jan Witort's lifetime (1853-1903), secondary education in the aforementioned territories was considerably limited (compared to the first half of the century) and completely Russified. After the January Uprising (in 1864) a gymnasium (Eng. grammar school or middle school) in Panevėžys was closed down. For this reason, Jan Witort's guardians (he became an orphan at the age of seven) sent him to the military gymnasium in Polotsk (Vitebsk Governorate). He studied there in 1866-1871. Then he left the school and in the following school year 1871/1872 he was preparing himself single-handedly for *matura* (Eng. high school leaving exam) in a gymnasium in Vilnius. This type of *matura* enabled one to take up technical studies. However, higher education institutions existed neither in Kovno Governorate he came from, nor in Vilna one. In consequence of this, Witort

chose Riga Technical University, where he studied until 1874, and he later attended the St. Petersburg State Institute of Technology for one semester.

During his stay in Vilnius and studies he went underground, which was initially a sort of self-education. Yet with time it evolved into a political activity. It was this activity that in early 1875 he was arrested for and incarcerated in the Tenth Pavilion of the Warsaw Citadel. In May of the same year he was sentenced to exile in Onega (Arkhangelsk Governorate). In the far north, Witort stayed until January 1879. After his return from exile he did not give up his underground activity, which resulted in his being arrested once again in August that year and imprisoned in the Tenth Pavilion of the Warsaw Citadel. After less than a year he was exiled to Siberia (to Mariinsk). In July 1883 he succumbed to the first attack of a serious condition of the nervous system – at the same time he was arrested following a Mariinsk merchant's denunciation. Because of his ill health he was not imprisoned, but referred to the prison hospital in Tomsk in early October, where he stayed four months. Unfavorable prognoses meant that Witort decided to take up an activity that he could exercise despite his reduced fitness resulting from partial paralysis and weakening eyesight. He chose journalism and cultural research. He embarked on preparations for his new role while still in exile. In Semipalatinsk (now Semey) (where he was taken) he found fitting conditions for scientific work, i.e. the town featured a library well equipped with ethnographic publications, and there were also many well-educated people among exiles living there.

It was during that time that, along with his friend Seweryn Gross, he conducted research on Kazakh law on behalf of the local governor general. It was also then that he had the opportunity to directly observe the lives of Kazakhs. In February 1885 he moved to Ust-Kamienogorsk, where he also found favorable conditions to continue his intellectual activity. In mid 1886 he returned to Semipalatinsk, while in December he was informed that he had been granted clemency. Upon his return from exile in early 1887 he raised funds for the organization called *Macierz Szkolna dla Księstwa Cieszyńskiego* founded by Paweł Stalmach, the goal of which was to support the Polish education in Cieszyn Silesia. Witort was associated with this organization until his death.

After returning from exile, he settled down in Kovno Governorate (he lived in Panevėžys or nearby towns or villages), and hardly ever left his home. In 1888-1891 he worked as a teacher giving private lessons, but as a result of a denunciation he had to quit this job. Shortly after his return from exile he started to collaborate with the following magazines – first with St. Petersburg “Kraj” (in 1887), then with “Głos”, “Ateneum” and “Wisła” coming out in Warsaw, “Kurier Polski” and “Przegląd Powszechny” from Cracow, as well as with “Lud”, “Przegląd Wszepolski” and “Tydzień” (an appendix to “Kurier Lwowski”) coming out in Lviv and finally with “Gwiazdka Cieszyńska”. His most important ethnographic publications appeared in “Wisła” and then in “Lud”. The latter was a body of Towarzystwo Ludoznawcze [Ethnological Society] founded in 1895 in Lviv. Notably, Witort was a corresponding member of TL ever since it came into existence. Three of his major works were published as separate books: *Zarysy prawa zwyczajowego ludu litewskiego* (Lwów 1898) [Outlines of the common law of Lithuanian people], *Zarysy prawa pierwotnego* (Warszawa 1899) [Outlines of primary law], *Filozofia pierwotna (Animizm)* (Lwów 1900) [Primitive phi-

losophy (Animism)]. Witort's oeuvre has been almost unknown to the general public and it has rarely been the subject of Polish academic studies. It should be emphasized that he previously enjoyed and still enjoys good reputation among researchers. It was not only his theoretical research but also research on the culture of Kazakhs that were highly evaluated.

The period of Witort's greatest scholarly activity fell on the last decade of the nineteenth century. At that time Polish scientific life in Northwestern Krai did not actually exist in an institutional form. After the close-down of the Vilnius University in 1832 there was not a single university in that area, the activity of scientific societies was very limited, and also no local scientific journals were published. Moreover, in the Kingdom of Poland (Congress Poland) there were no favorable conditions for the development of science; Warsaw Szkoła Główna existing in 1862-1869 was replaced by Russified Cesarski Uniwersytet Warszawski [Royal University of Warsaw]. However, it was in Warsaw that scientifically important institutions were active. One of them was Muzeum Przemysłu i Rolnictwa [Museum of Industry and Agriculture] (established in 1875) which dealt not only with the assembling of collections but also the conducting of research and educational work. The museum housed a specialized library, the publishing house of *Encyclopedia rolnicza* [Agricultural encyclopedia] and the editor's offices of scientific journals. In 1881 Kasa im. Mianowskiego [Mianowski Credit Union] was founded. It was the largest Polish organization, the objective of which was to financially support research and publications. For scientific life it was editors' offices of periodicals that were crucial because they became places of exchange of scientific ideas. It was there that scholars representing various disciplines of science gathered. It was definitely Galicja [Galicia] which kept scientific circles together best. Cracow and Lviv featured active universities where lectures had been held in Polish since the seventies of that century. It happened that Polish scholars, including those from the Russian and Prussian partitions, were employed at universities in the Austrian one. In that area, Polish scientific and cultural societies functioned freely. Another academic center that came into existence in 1873 in Krakow was Akademia Umiejętności [Academy of Skills]. It was a scientific institution, the members of which were eminent Polish scientists originating not only from Galicia.

Witort as a cultural researcher collaborated with scientific circles both from the Kingdom of Poland and Galicia. By that time he was already personally acquainted with a group of Warsaw scholars. He had established first contacts in the late seventies and early eighties, presumably while working underground, and certainly while staying in prison in the Warsaw Citadel. Some of the young people he was meeting then, held important positions later on in the scientific community. With time, his network of contacts was growing, although he probably only exchanged correspondence with some of his acquaintances. He met Lviv scholars much later largely because he joined Towarzystwo Ludoznawcze [Ethnological Society], and perhaps thanks to his connections with Warsaw friends. Presumably, contacts with them were also limited to correspondence exchange. However, in some cases, his pen friendships evolved into personal relationships.

Due to the peculiar socio-political situation of the Polish territories, academic careers of Poles from the Russian partition developed differently than those of European scientists. Likewise, the process of becoming a scholar looked differently. University careers were rare,

although distinguished academics were employed in the universities in Russia and Austria-Hungary (a case in point would be Jan Baudouin de Courtenay, who worked at the Kazan Imperial University and University of Dorpat, and then also at the Jagiellonian University). Unfortunately, not all Polish researchers managed to obtain a university education on account of their patriotic activities conducted during the study or in high school. This was the case of Witort. Nonetheless, he was regarded as an ethnographer by academic circles.

As far as scholars of cultural studies were concerned, the situation was even more complicated also for another reason, i.e. towards the early twentieth century, it was impossible to obtain profiled or professional education due to lack of adequate formal courses of study. If we look at the world's most important researchers who created the foundations of cultural sciences, we will notice that they represented very diverse professions.

This book is devoted to the research path followed by Jan Witort. In my analyses I availed myself of the following documents: his *Autobiografia* [Autobiography], which was written in 1898 and had been most likely commissioned by the authorities of Towarzystwo Ludoznawcze [Ethnological Society], a diary entitled *Znad brzegów Morza Białego* [From the shores of the White Sea] written several years earlier than *Autobiografia* and more than twice as extensive, and letters addressed to Antoni Kalina (the then president of TL) from 1896-1899. The collection consists of 42 letters and is not complete. Thus far, it is merely *Autobiografia* that has been published. It has been prepared for printing by Antoni Kuczyński and Zbigniew Wójcik ("Lud" 1997, vol. 81, pp. 209-252); its manuscript and letters to Kalina are stored in Archiwum Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego [The Archives of the Polish Ethnological Society] in Wrocław, whereas the manuscript of the diary is kept in the collections of Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich [Library of Ossolinski National Institute] among *Papiery Bolesława i Marii Wyslouchów* [Writings by Boleslaw and Maria Wyslouch].

Basing on these materials, I have been trying to answer the question, why Witort devoted himself to scientific research, what was it that underlay this decision, and how the formalized and non-formalized education he was subjected to as well as underground activity, imprisonment, exile, and finally the disease influenced it. These modules or the 'building blocks' of his life created an original configuration. Nevertheless, they were typical in many respects. The lives of numerous outstanding Polish scientists of the nineteenth century, both of earlier and later generations were marked by such biographical elements as clandestine patriotic activities, imprisonment, exile (which enabled them to longer stay in touch with representatives of distant cultures) and, finally, a need for self-study resulting from a lack of other educational opportunities.

In the case of Witort it was also the "map" of his contacts with people (especially those who dealt with culture research) and with academic institutions that were of importance. The network of relationships influenced the development of his research interests. With nineteenth-century Polish scholars such contacts had an additional aspect: they were established and maintained similarly to those of secret patriotic activists, i.e. in many cases, correspondents were required to keep their activity secret due to censorship. Accordingly, adequate communication channels for information and materials flow were necessary. Sometimes channels developed by political groups were used.

Scientific life is always positioned in a specific cultural context, i.e. rather than being sharply separated from other areas of human activity, the scientific realm was tightly interlocked with them. The story on Witort's fate has two aspects – it refers to a specific individual, but it also shows that particular vicissitudes always reflect a context of life. Witort's biography and choices he made reflect the fate and decisions of a particular generation.

Autobiografia [Autobiography] is a document that is essential to analyze the process of becoming a scholar in the epoch, where scientific researches were not synonymous with university activities but indicated cognitive attitude typical of some members of intelligentsia aimed at fulfilling a patriotic mission in special conditions which required specific predispositions. While writing it, Witort wished not so much to present the course of his life as to draw readers' attention to the moments, when he made essential choices under pressure of circumstances: the result of his clandestine work was imprisonment and exile. For this reason he did not obtain a formal education, but it was thanks to them that he stayed in contact with the cultures of the Pomors and Kazakhs. The early activity instilled a habit of self-study in him, which helped him spend time in prison effectively. He penned *Autobiografia* [Autobiography] to present his own story and to explain what had prompted him to address ethnographic problems. Last but not least, he wanted to show what had shaped him because he was convinced that a properly conveyed singular truth can serve as a valuable model, the description of which he was concerned about most.

Autobiografia, Znad brzegów... and letters make up an important context for one another as they all include the self-presentation of the writer. In larger retrospective writings, this presentation is an essential (*Autobiografia*) or a minor objective (*Znad brzegów...*). In the letters this happens incidentally. Accordingly, Witort's biography emerging from the letters seems to be a fragmentary, unfinished and unready construct, which, the writer's failing health notwithstanding, continues to be open to the future. In *Autobiografia* [Autobiography] published in 1898, which summed up his personal fate, Witort perceived himself from the perspective of death. However, in his letters from 1899, we can both observe his full commitment to the scientific work and reconstruct his plans for the nearest future.

Letters primarily testify (not only, though) to substantive and organizational bonds. In other words, they mark channels and routes of texts distribution and networking methods. They show that scientists had to bear correspondence censorship in mind and to resort to conspiracy-like measures, even though they were involved in official scientific societies. Witort was very vigilant with respect to censorship. Thus, he knew what sending texts, where censors could detect traces of unlawfulness may result in. He also revealed to Kalin how to avoid this menace.

Witort's correspondence also uncovers the culture researcher's daily routines – there are traces of reading materials, perfunctory reviews of texts he read, as well as information on how to come by professional books and journals. However, what he devoted most passages to were issues concerning the publication of his own articles in "Lud". Witort commented on texts in preparation, he reported in detail on the progress of work and asked about their due publication dates. In this way we also learn about texts that were not printed for various reasons. Moreover, the correspondence includes requests for research questionnaires as Witort

did not only collect research materials, but also sought contact with people who could help him with this. Apart from that, he exchanged gifts (old manuscripts and valuable books) meant for the Lviv library of Towarzystwo Ludoznawcze. We also find out that he promoted and propagated TL's activity in the circle of his friends (he looked for new members, collected membership fees) and via publications in widely read periodicals. Many a time did Witort raise the issue of financing scientific publications and he was keen on sharing his know-how of the Warsaw environment with Kalina. Witort's letters address yet another important problem, namely, the language of science and Polish scientific terminology, in particular. Witort did not only ask about terminological issues, but also commented on approaches that he was familiar with.

Witort saw letters to Antoni Kalina as a kind of corresponding university, where he studied what he had not been able to learn before during school and study. There is evidence to suggest that it was by virtue of letters addressed not only to Kalina, but certainly also to Stosław Laguna, Jan Karłowicz, and perhaps to Włodzimierz Spasowicz, Jan Baudouin de Courtenay, Kazimierz Gorzycki and other eminent scientists that he made up for the backlog of his knowledge of culture (located on the cusp of many disciplines). This knowledge was gaining its distinctiveness in the nineteenth century. What makes this model so important is not only the desire to learn the principles of scientific thinking and the construction of a research framework by an actual novice and amateur, but also a moral imperative obliging recognized experts to provide him with assistance.

Witort was often referred to as a popularizer by reviewers. In the nineteenth century it was believed that a popularizer of science is by no means someone inferior to a true scientist – but is a scientist *par excellence* deserving praise especially as he serves not only science but also education. It was assumed that popularizers should be primarily active researchers and scientists who, in an accessible manner, impart truths they personally tested or accepted and that are objective, scientific, validated, and verified.

On Polish soil, depending on the occupant's policy there were different career opportunities, and thus conceptual model variations of scholars applied. In Galicia, where there was a possibility of pursuing a university career, it was an academic degree, which was an institutional measure of "learnedness". That change decided about the elite-like operational model of Akademia Umiejętności [Academy of Skills] which, unlike scientific societies, selected solely people of a specific census.

Those who could not show their academic degrees (sometimes even a college diploma), were left with an individual research work and involvement in scientific societies. It happened that such societies (both general and specialized) animated scientific life even to a larger extent than universities because they were not limited to the area of a particular center or partition. They disseminated knowledge through publication of periodicals and organization of congresses (or other scientific conferences). They also assembled scholars from different backgrounds. By scrutinizing Witort's correspondence, it may be observed that activity schemes of scholars from different partitions were different. I have attempted to describe a historical 'slice' of academic life viewed not through the prism of scientific knowledge but rather that of human efforts aiming to explore and expand it. My proposal

can be placed within the anthropology of science (as opposed to the anthropology of knowledge), because it is not the way of perceiving and interpreting specific phenomena of reality (overall ones or selected in terms of aspects) that is a priority for this anthropology, but the organization of science in the formal and informal sense.

A particular acting person, raised in a particular system of values, is conditioned by the context of his or her parent culture, and is at the same time open to learn the external. Therefore, they must fit in at least partially with an existing organizational framework and use the developed forms of cultural communication in order to be able to fulfill their life plan. The anthropology of science is, to my way of thinking, a discipline of science, which should address the study on relationships between existing research scientific conventions and ways of perpetuating and modifying them in the discourse of a particular epoch. Thus, it would be a priority task to unveil attitude and behavior patterns, which particular people of science subscribe to or polemicize with. An attempt to accomplish this task, however, must begin with an analysis of needs and attitudes of an individual.

A model of a nineteenth-century scholar was a configuration of various elements. It combined both what was the heritage of the previous epochs (especially after the Enlightenment) with features that were a response to the then situation. Polish scholars of the time, similarly to their predecessors prior to partitions, were aware that they belonged to the intellectual elite of the world or to the international community of scholars. They did not have a complex about their provincial background towards researchers from other countries. What is more, they were deeply convinced about the importance of their own intellectual work. Studies (even unfinished) at universities of the Russian empire (intended mostly for inhabitants of the Russian partition) or at universities in the western part of our continent gave a sense of community with well-educated Europeans. Salons of intellectuals (common in former times) were still a form allowing them to exchange ideas. There appeared, however, new variants of contacts: common stays in a prison cell or in exile, which happened to be a result of combining both the scientific and patriotic aspect in the model of a scholar.

The scholar could work for the benefit of his homeland indirectly (i.e. through research activity) or, directly, as a political activist. Scientific cognition was a patriotic duty both in a symbolic and pragmatic dimension. The former was expressed e.g. in competition including inventions, scientific discoveries, achievements of engineering, etc. with a view to praising the Polish name all over the world; hence the integrity and intensity of research which had to be universal and thus verifiable outside of their home environment. The latter was related to the aspect of an intellectual work which could bring measurable (as well as intangible) physical, organizational benefits *etc.* to homeland and compatriots. Needless to say, it was actions meant to preserve the cultural heritage both in the material (books, documents, memorabilia, etc.) and intangible form (e.g. folk culture legacy) that were crucial. Here, however, a significant difference must be noted: research activities especially in the area of medicine and engineering were associated with a more formalized preparation than in the humanities.

Formal education had to be supplemented with individual studies, i.e. self-education, which could be guided by recognized experts in their discipline. Acquiring knowledge, con-

ducting research and publishing works were facilitated by contacts established in one's young years – it was a form of bond built in line with the principle of *do ut des*. Consequently, those who had adequate competences felt obliged to provide substantive assistance to self-taught individuals. Reciprocity and gratitude were thought of highly and seen in terms of moral obligations. Using acquaintances and contacts for conformist or utilitarian purposes was frowned upon. Hence, the imperative to care for the purity of intention was prevalent. Help with research (or at least with preparations for such research) rendered to a specific individual, often a stranger, was regarded as a contribution to the community. For that reason, mere gratitude was expected rather than a specific act of reciprocity. A teaching persona expected a learner to reciprocate the service by primarily working to the benefit of their homeland. Accordingly, a researcher knew or at least sensed that his activities stem from a different world order, i.e. from its “higher levels”. Not only did he strongly believe in his high standing, but also in the ancillary role they played for the nation.

The Polish scholar model integrated skepticism with zeal and distance with enthusiasm, rationalism with Messianism, as well as a belief in the relationships with intellectual world elites and with a sense of national diversity.

The situation of Polish culture, and thus the Polish science (as a very significant component of that culture) was paradoxical. Poland's loss of independence resulted in the disruption of the continuity of numerous nation-important institutions; paroxysms of subsequent uprisings damaged what was successfully yet with difficulty obtained from the occupant. Science, in turn, despite unfavorable conditions, and even in defiance of them, developed very intensively.

przel. Grzegorz Wilczek

Анна Гомула

Ян Михал Виторт – введение в антропологию поколения „научных людей”

Резюме

Категория „научные люди” была употреблена Зигмунтом Василевским в работе *Современная Варшава в двенадцати картинках* (Львов 1903). Ее автор, обращаясь к полякам в Галиции, пытался показать, каким образом живут их соотечественники в Варшаве; среди прочего он объяснял, какие явления влияют на ограничение научных исследований на территории Польши, аннексированной Россией. Польская научная жизнь в девятнадцатом веке оформлялась иначе, чем в странах, самостоятельное бытие которых позволяло на относительно быстрое экономическое развитие, а также на свободную деятельность университетских центров и важных институтов общественной жизни. В европейских странах рождающаяся индустриализация значительно повлияла на школы разных типов и стимулировала развитие научных исследований. Эти процессы, хотя и в разной степени, охватили также польские земли, но довольно ограниченным способом воздействовали на средние и высшие учебные заведения.

Человек, научный путь которого представляется нами, происходил из окрестностей Поневежа (Ковенская губерния), т.е. из той части российской территории, которая официально называлась Северо-Западным краем (в ее состав входили следующие губернии: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская). В те времена, когда жил Ян Виторт (1853-1903), на этой территории средние школы были представлены в небольшом количестве (по сравнению с первой половиной века) и полностью русифицированы. После январского восстания (в 1864 году) была закрыта гимназия в Поневеже, в связи с чем опекуны Яна (Виторт в семилетнем возрасте остался сиротой), выслали его в военную гимназию в Полоцке (Витебская губерния). Он учился там в 1866-1871 гг., затем покинул школу в очередном учебном 1871/1872 году и самостоятельно готовился к выпускным экзаменам в реальном училище в Вильно. Выпускные экзамены такого типа давали возможность начать техническое образование в высших учебных заведениях, однако ни в Ковенской

губернии, откуда он происходил, ни в Виленской их не существовало. Таким образом, Виторт выбрал Политехническую школу в Риге – и продолжал там обучение до 1874 года, а позднее один семестр учился в Технологическом институте в Петербурге.

Во время пребывания в Вильно и во время учебы в вузе он занимался конспираторской деятельностью, которая первоначально имела самообразовательный характер, но со временем преобразовалась в политическую активность. По причине этой деятельности в начале 1875 года он был арестован и посажен в Виленскую цитадель; в мае того же года его приговорили к поселению в Онеге (Архангельская губерния). На дальнем севере Виторт пребывал до января 1879. После возвращения из ссылки он не расстался с конспираторской работой, в результате чего в августе того же года был опять арестован и посажен в Х Павильон Варшавской цитадели. По происшествии почти года его сослали в Сибирь (в Мариинск). В июле 1883 года он пережил первый приступ серьезной болезни нервной системы; в это же время его арестовали на основании доноса мариинского купца. Из-за плохого состояния здоровья он не был посажен в тюрьму, но в начале октября его перевезли в тюремную больницу в Томске, где он пролежал четыре месяца. Неблагоприятные прогнозы предопределили то, что Виторт решил найти себе такое занятие, с которым он мог бы справиться, несмотря на свои ограниченные возможности, вытекающие из полупаралича, а также ослабления зрения. Он выбрал публицистику и исследования в области культуры. Подготовку к новой роли он начал, будучи еще в ссылке. В Семипалатинске (куда он был перевезен), Виторт нашел соответствующие условия для научной жизни – там была библиотека с богатой этнографической литературой, а среди ссыльных находилось много образованных людей. В это время вместе с другом – Северином Гроссом он проводил по поручению местного генерал-губернатора исследования казахского права. Также тогда он непосредственно мог наблюдать за жизнью казахов. В феврале 1885 года Виторт переехал в Усть-Каменогорск, где тоже были условия, способствующие интеллектуальной работе. В середине 1886 года он вернулся в Семипалатинск, а в декабре получил информацию о помиловании. Возвращаясь из ссылки в начале 1887 года, он собирал пожертвования в пользу Общества школ для Цешинского княжества, органа, учрежденного Павлом Стальмахом, целью которого была поддержка польских школ в Цешинской Силезии. Виторт был с этой организацией связан вплоть до самой смерти.

После возвращения из ссылки он поселился в Ковенской губернии (он жил в Поневеже или в его окрестностях) и лишь время от времени покидал родную сторону. В 1888-1891 гг. Виторт работал домашним учителем, но вследствие доноса ему пришлось расстаться с этой работой. Вскоре по возвращении из ссылки он стал сотрудничать с журналами – сначала с петербургским периодическим изданием „Край” (в 1887), а затем с выходящими в Варшаве периодиками „Глас”, „Атенеум” и „Висла”, с краковскими журналами „Курьер Польский” и „Пшеглонд Повшехны”, львовскими „Люд”, „Пшеглонд Вшепольски” и „Тыдзень” (приложение к „Курьеру Львовскому”), а также с изданием „Гвязда Цешиньска”. Его самые важные этнографические работы публиковались в журнале „Висла”, а потом в „Люд”. Последний журнал был органом

основанного в 1895 во Львове Этнографического товарищества – Виторт был его членом-корреспондентом с самого начала его существования. Три его больших труда вышли в свет отдельными книгами: *Очерки обычного права литовского народа* (Львов 1898), *Очерки первобытного права* (Варшава 1899), *Первобытная философия (Анимизм)* (Львов 1900). Наследие Виторта почти неизвестно широкому кругу читателей и нечасто бывало предметом польских научных работ. Следует однако отметить, что до сих пор высоко оцениваются исследователями не только его теоретические разработки, но также описание культуры казахов.

Время самой большой научной активности Виторта пришлось на последнюю декаду XIX столетия. Тогда в Северо-Западном крае отсутствовала польская научная жизнь в организованной форме – после закрытия Виленского университета в 1832 году на этих землях не было высшего учебного заведения, деятельность научных товариществ сильно ограничивалась, не издавались местные научные журналы. В Царстве Польском также не было благоприятных условий для развития науки; место существующей в 1862-1869 гг. Варшавской главной школы занял русифицированный Императорский Варшавский университет. Однако в Варшаве действовали важные для науки учреждения. К одному из них принадлежал Музей промышленности и сельского хозяйства (созданный в 1875 году), занимающийся не только накоплением коллекции, но также научной и образовательной деятельностью. В музее размещалась специальная библиотека, издательство *Сельскохозяйственной академии*, а также редакции научных журналов. В 1881 году была основана Касса им. Мянковского – самая крупная польская организация, целью которой являлась финансовая поддержка научных исследований и публикаций. Для научной жизни были важны редакции периодических изданий – они стали местами обмена научными мнениями, поскольку там собирались ученые, представляющие разные области знаний. Без сомнения, самой лучшей с этой точки зрения была ситуация в Галиции – в Кракове и Львове действовали высшие учебные заведения, в которых с семидесятых годов обучение велось на польском языке. Случалось, что там получали работу и польские ученые с территорий, находящихся в России и Пруссии. Здесь свободно функционировали польские научные и культурные товарищества. В Кракове с 1873 года существовала Академия наук – научный институт, объединяющий выдающихся польских ученых, не только из Галиции.

Виторт как исследователь культуры сотрудничал с научной средой как Царства Польского, так и Галиции. Одну из групп варшавских ученых он знал лично – первые контакты он установил на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов, возможно, во время конспиративной работы, а уже вне всякого сомнения, во время тюремного заключения в Варшавской цитадели. Некоторые из молодых людей, с которыми он тогда встречался, заняли впоследствии важные места в научной среде. Со временем сеть контактов разрасталась – часть знакомств, вероятно, имела характер переписки. Со львовскими учеными он познакомился значительно позднее, главным образом благодаря вступлению в Этнографическое товарищество и, не исключено, благодаря связям варшавским знакомых. Можно предполагать, что контакты с ними также

ограничивались перепиской. Случалось однако, что отношения, начало которым положили письма, перерастали в личное знакомство.

По причине специфической общественно-политической ситуации польских земель научные карьеры поляков на территории, присоединенной к России, развивались иначе, чем карьеры европейских ученых; иным был также процесс вхождения на научную стезю. Университетские карьеры были редкими, хотя выдающиеся ученые получали работу в вузах России и Австро-Венгрии (примером может послужить И.А. Бодуэн де Куртенэ, который работал в университетах в Казани и Дорпате, а потом также в Ягеллонском университете). К сожалению, не всем польским исследователям удалось получить высшее образование – очень часто в этом им помешала патриотическая деятельность, проводимая во время учебы в вузе или в средней школе. Так было в случае Виторта, однако несмотря на это в научной среде его считали этнографом.

Если речь идет об ученых, представляющих науку о культуре, ситуация была более сложной также по иной причине – до начала двадцатого века получение образования по специальности было невозможным из-за отсутствия соответствующих формальных направлений обучения. Если присмотримся самым крупным мировым исследователям, которые создавали основу науки о культуре, то заметим, что они были представителями самых разных профессий.

Эта книга посвящена научному пути Яна Виторта. При анализе используются следующие документы: его *Автобиография*, которая была написана в 1898 году скорее всего по заказу властей Этнографического товарищества, созданный несколькими годами ранее и почти в два раза больший дневник *С берегов Белого моря*, а также относящиеся к 1896-1899 гг. письма Антони Калине (который в то время был председателем Этнографического товарищества). Этот сборник насчитывает 42 письма и не является полным. До сих пор была издана только *Автобиография* – ее подготовили к печати Антони Кучински и Збигнев Вуйцик („Люд” 1997, т. 81, с. 209-252); ее рукопись, а также письма Калине хранятся в архиве Польского этнографического товарищества во Вроцлаве, а рукопись дневника находится в Национальной библиотеке им. Оссолинских среди *Бумаг Болеслава и Марии Вислоух*.

На основании этих материалов мы старались ответить на вопрос: почему Виторт занялся научными исследованиями, что подтолкнуло его принять такое решение, как на это повлияла формализованная и неформализованная система обучения, которой он подвергался, конспиративный труд, тюремное заключение, ссылка и, наконец, болезнь. Эти модулы – „кирпичики”, из которых была построена его жизнь, создавали оригинальную конфигурацию, тем не менее во многих ракурсах были типичными. В жизни многих также выдающихся польских ученых XIX века, как ранних, так и поздних поколений, появляются такие элементы биографии, как тайная патриотическая деятельность, тюрьма, ссылка (благодаря которой становился возможным длительный контакт с представителями далеких культур) и, в конечном итоге, необходимость самообразования, вытекающая из нехватки других образовательных путей.

В случае Виторта важна также „карта” его контактов с лицами (с особым учетом тех, кто занимался изучением культуры), а кроме того, научными учреждениями,

поскольку эта сеть повлияла на развитие его исследовательских интересов. По отношению к польским ученым XIX столетия вопрос контактов отличался дополнительным аспектом: они навязывались и осуществлялись подобно контактам тайных патриотических деятелей. Во многих случаях обязывало, принимая во внимание цензуру, затаивание корреспондентов, необходимы были соответствующие каналы передачи информации и материалов, а иногда использовались каналы, выработанные политическими группами.

Научная жизнь всегда размещается в конкретном культурном контексте. То, что является научным, не отделяется остро от иных полей человеческой деятельности, но переплетается с ними. Описание перипетий судьбы Виторта проходит по двум линиям – оно касается конкретного лица, но показывает, что определенная судьба всегда является отражением контекста жизни. Таким образом, биография Виторта и его выборы позволяют говорить о судьбе и решениях определенного поколения.

Автобиография принадлежит к основным документам, взятым для анализа процесса становления ученого в эпоху, когда научные исследования были не синонимом университетской деятельности, но знаком познавательной позиции. Она характеризовала отдельную часть интеллигенции и была направлена на выполнение патриотической миссии в особых условиях, требующих точно определенных предрасположенностей. Виторт, во время работы над книгой, не столько хотел представить ход своей жизни, сколько обратить внимание адресатов на моменты, в которых совершал существенные выборы под нажимом обстоятельств: следствием конспиративной деятельности были тюрьма и ссылка, по этой причине он не получил формального образования, но благодаря этому мог познакомиться с культурой поморян и казахов. Ранняя деятельность закрепила в нем навык самообразования, что позволило ему эффективно использовать время отбывания наказания. Он написал *Автобиографию* для того, чтобы представить собственную судьбу и объяснить, что подтолкнуло его заняться этнографией. Кроме того, он хотел – что важно для наших размышлений – показать, что его сформировало. Он был убежден, что соответствующим образом переданная индивидуальная истина может обладать достоинствами модели, а именно это он хотел описать больше всего.

Автобиография, С берегов ... и письма составляют друг для друга существенный контекст – поскольку во всех них пишущий представляет себя. В более обширных ретроспективных текстах эта презентация является главной целью (*Автобиография*) или побочной (*С берегов ...*), а в письмах, в свою очередь, это происходит мимоходом. Из писем биография Виторта вырисовывается фрагментарно, как нечто незамкнутое и неготовое, все еще, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, открытое на будущее. В *Автобиографии* 1898 года, которая подытожила переплетения его судьбы, Виторт смотрел на себя с точки зрения смерти, но в письмах от 1899 года можем увидеть полную вовлеченность в научную работу и воспроизвести планы пишущего на ближайшее время.

Письма прежде всего (хотя не только) являются свидетельством связей предметного и организационного характера – они намечают каналы распространения текстов

и способы установления контактов. Кроме того, письма показывают, что ученые должны были помнить о цензуре переписки и пользоваться средствами, свойственными конспиративной деятельности, даже если они действовали в официальных научных товариществах. Виторт был очень бдительным, если речь идет о вопросах цензуры, он знал, чем может грозить пересылка текстов, в которых цензоры могут узреть следы неблагонадежности, а Калине открыл способы избежания этой опасности.

Переписка Виторта показывает повседневность исследователя культуры – здесь заметны следы читаемых книг, наброски рецензий прочитанных текстов, а также информация о способах добывания профессиональных книг и журналов. Однако больше всего места в письмах он посвятил вопросам, касающимся публикации в журнале „Люд” его собственных статей: Виторт писал о подготавливаемых текстах, детально описывал этапы работы над ними, спрашивал о предполагаемых сроках их издания. Благодаря этому мы узнаем также о тех из них, которые по разным причинам не были опубликованы. В переписке появляются просьбы об анкетировании исследований – Виторт не только сам собирал исследовательские материалы, но также искал контакт с людьми, которые могли помочь в этой области. В письмах он перечислял дары (древние рукописи, ценные книги), предназначенные для львовской библиотеки Этнографического товарищества. Мы также узнаем, что он пропагандировал деятельность Этнографического товарищества в кругу знакомых (искал новых членов, собирал взносы, печатался в читаемых периодических изданиях). Виторт неоднократно поднимал проблему финансирования научных публикаций – он делился с Калиной своей осведомленностью на эту тему в варшавских кругах. Письма Виторта касаются еще одной важной проблемы: языка науки, а точнее, польской научной терминологии. Виторт не только спрашивал о терминологии, но и представлял известные ему точки зрения на ее тему.

Письма Антони Калине были для Виторта университетом в виде переписки, где он учился тому, чему не мог научиться раньше, во время учебы в школе и вузе. Благодаря письмам – как можно предполагать – не только Калине, но и, по-видимому, Стославу Лагуне, Яну Карловичу, может быть, Владзимежу Спасовичу, И.А. Бодуэну де Куртенэ, Казимежу Гожицкому и другим выдающимся ученым, он наверстывал упущенное и восполнял пробелы в знаниях о культуре (располагающейся на стыке многих областей), которая в девятнадцатом веке приобретала свой выразительный облик. В этом образе важно не только стремление познать принципы научного мышления и создания исследовательского аппарата первоначально *de facto* любителя, но и моральный императив, обязывающий признанных специалистов оказывать помощь.

Рецензенты неоднократно называли Виторта популяризатором. В XIX столетии существовало убеждение, что популяризатор науки ни в чем не уступает настоящему ученому – и является *par excellence* ученым, тем более достойным похвалы, поскольку служит не только науке, но и просвещению. Принималось, что популяризатор должен быть прежде всего активным исследователем, ученым, который доступно представляет проверенные лично или одобренные им объективные научные истины, подтвержденные и верифицированные.

На польских аннексированных землях в зависимости от проводимой там политики были разные возможности развития научной карьеры, в связи с чем обязывали вариативные модели человека науки. В Галиции, где существовала возможность университетской карьеры, статус ученого предопределяло научное звание – официальный показатель „учености”. Это изменение отразилось на элитарной модели деятельности Академии наук, которая – иначе, чем научные товарищества – выбирала своих членов исключительно среди людей с определенным статусом.

Тому, у кого не было научного звания (а иногда даже диплома об окончании вуза), оставалась индивидуальная исследовательская работа и деятельность в научных товариществах. Такие товарищества (как общие, так и специальные) занимались научной жизнью, временами даже в большей степени, чем университеты, поскольку не ограничивались пространством данного центра или территории, аннексированной той или иной страной. Они распространяли знания благодаря публикации периодических изданий и организации конгрессов (или иных научных встреч), объединяли ученых из разной среды. Исследуя переписку Виторта, можно заметить, что образцы действий ученых из разных присоединенных к иным государствам польских территорий были другими. Мы пытались описать отдельный исторический фрагмент научной жизни, воспринимаемый не сквозь призму научных знаний, но действий человека, стремящихся углубить и расширить эти знания. Наше предложение можно поместить в области антропологии науки (в оппозиции к антропологии знаний), потому что для нас приоритетен не способ перцепции и интерпретации определенных (целостных или разноаспектных) явлений действительности, но организация науки в формальном и неформальном значении.

Человек, конкретно действующее лицо, воспитанное в определенной системе ценностей, не мыслится вне контекста родной культуры, но вместе с тем оно открыто на познание того, что находится изнутри. Для того, чтобы осуществлять свою жизненную программу, оно должно вписаться, хотя бы частично, в существующие организационные рамки и пользоваться разработанными формами культурной коммуникации. Антропология науки это – в нашем понимании – такая область, которая должна заниматься исследованиями отношений между существующими научными конвенциями и способами их закрепления и модификации в дискурсе определенной эпохи. Приоткрытие образцов позиций и поведения, в которые вписываются или с которыми полемизируют отдельные люди науки, было бы ее первостепенной задачей. Попытка реализации этой задачи должна однако начаться с анализа потребностей и позиции отдельного человека.

Модель ученого XIX века была конфигурацией разных элементов – она объединяла как то, что было наследием от предыдущих эпох (особенно от Просвещения), с чертами, которые были ответом на текущую ситуацию. У польского ученого того времени, похожим образом, как и у его предшественника до разделов Польши, было осознание того, что он принадлежит к интеллектуальной мировой элите, к международной общественности ученых. В этом не было комплекса провинциала по отношению к ученым из других стран, но часто он был глубоко убежден в силе

собственного интеллектуального труда. Обучение (хотя бы и незаконченное) в вузах Российской империи (главным образом для жителей российской части аннексированной территории Польши) или в университетах в западной части нашего континента давали чувство связи с образованными европейцами. Салонные встречи интеллектуалистов (популярные в предыдущие времена) все еще существовали как форма, позволяющая обмениваться мыслями. Появились однако новые варианты контактов: совместное пребывание в тюремной камере или в ссылке, что бывало результатом соединения в модели ученого двух аспектов: научного и патриотического.

Ученый мог в пользу отечества работать косвенным образом (т.е. благодаря исследовательской активности) или непосредственно как политический деятель. Научное познание было патриотической обязанностью как в символическом, так и прагматическом измерении. Первое выражалось, к примеру, в соперничестве, охватывающем как изобретения, научные открытия, достижения инженерской мысли и т.п., чтобы прославить имя Польши в мире; отсюда добросовестность и интенсивность научных работ, которые должны были отличаться универсальным измерением, контролируемым изнутри. Второе связывалось с тем аспектом интеллектуальной работы, который мог принести измеримую (но и неизмеримую) материальную, организационную и др. пользу родине и соотечественникам. Важными были также действия, проводимые с целью сохранения культурного наследия как в материальной форме (книги, документы и т.п.), так и нематериальной (напр. пласты народной культуры). В этом месте следует обратить внимание на важное различие: научно-исследовательская деятельность особенно в области медицины и технических наук была связана с более формализованной подготовкой, чем в области гуманитарных наук.

Формальное образование должно было дополняться индивидуальной формой обучения – самообразованием, которым могли руководить признанные в данной сфере авторитеты. В получении знаний, проведении исследований и публикации работ помогали контакты, установленные в молодости – это была форма связей, создаваемая по принципу *do ut des*. Те, у кого была соответствующая компетенция, чувствовали себя обязанными оказывать самоучкам помощь в процессе их обучения. Взаимность и благодарность высоко ценились и воспринимались в категориях моральных обязательств. Использование знакомств и контактов с конформистской или утилитарной целью не поощрялось – отсюда и императив сохранять чистоту намерений. Помощь конкретному человеку – часто лично не знакомому – в исследовательской деятельности (или хотя бы в подготовке к такой деятельности) трактовалась как деятельность в пользу общества, поэтому ожидалась благодарность, но не обязательно ждали отблагодарения. Обучающий ожидал, что обучаемый прежде всего расплатится, стараясь в пользу отечества. Исследователь знал, а может, предчувствовал, что его деятельность относится к иному миропорядку, к его „высшим районам”. Он был убежден как в своей высокой позиции, так и в служебной роли по отношению к народу.

В модели польского ученого соединились скептицизм с беззаветностью, дистанция с энтузиазмом, рационализм с мессианством, убеждение в связях с мировыми интеллектуальными элитами с чувством национальной самобытности.

Ситуация польской культуры, а что из этого следует, и польской науки (как весьма существенного элемента этой же культуры) была парадоксальной. Потеря Польшей независимости привела к тому, что была утрачена непрерывность многих важных для страны учреждений; пароксизмы очередных восстаний уничтожали то, что с трудом удалось получить от захватчиков. Однако наука, несмотря на неблагоприятные условия, а точнее, наперекор им, развивалась очень интенсивно.

Przeł. Oksana Malysa

Indeks nazwisk

A

A...s 242, 314
Abramowicz Paweł 200
Adam Ernest 235, 241, 247
Adam Zygmunt 247
Adamczyk Stanisław 56
Adamczyk Zdzisław Jerzy 113, 324
Adamowa Emilia 247
Adamska Kazimiera, Zawistowicz – patrz
 Zawistowicz-Adamska Kazimiera
Adamski Wiesław 73
Adamski Władysław 72, 84, 321
Agurski S. 30, 180
Akimow Mikołaj 200
Albin Janusz 234, 236
Aleksander I, car Rosji 150, 201, 281
Aleksander II, car Rosji 150-151
Aleksander III, car Rosji 132, 145, 225
Aleksander Tadeusz 155, 157, 161
Aleksandravičius Egidijus 116, 282, 314
Aleksandrowicz Jerzy 221
Aleksandrowicz, naczelnik więzienia 202
Alerhand, doktor 215
Allport Gordon W. 75, 82, 321
Andrzejewski Jerzy 77
Angell Robert 75, 79-80, 83-84, 321
Anna, cesarzowa Rosji 123
Aptekman Osip 171
Apuchtin Aleksander Lwowicz 115, 226
Arct Michał 241
Arvanini Joanna 253, 322
Asnyk Adam 248
Augustowicz Kazimierz 200
Augustyn, św. 44, 50, 51

B

Babicz Józef 20, 310, 316
Bachofen Johann Jakob 17
Bachórz Józef 191
Baczko Bronisław 173, 317

Badeni Jan 240, 246
Bagby Philip 156, 315
Bakunin Michał 151, 170-171, 177-179
Balicki Tadeusz 39
Balicki Zygmunt 239
Balzer Oswald 66
Bałucki Michał 195
Baradziej Jerzy 206, 317
Baraniecki Adrian 257
Baranowski Bolesław Adam 258
Baranowski Ignacy 221
Baranowski Władysław 19-21, 28, 69, 309
Barczyński Janusz 44, 79
Barek Radosław 88
Barraclough Geoffrey 11
Barszczewski Leon 116, 322
Bartoszyńska Regina, Lubas – patrz Lubas-
 -Bartoszyńska Regina
Bastian Adolf 17
Baudouin de Courtenay Jan 234, 244, 258, 260,
 261, 265, 276, 294, 296, 323
Baudouin de Courtenay Romualda 244
Baumgarten Leon 151, 171, 314
Bazyłow Ludwik 253
Bądzkiewicz Antoni 117
Bednarek Stefan 112, 317
Bejta Józef 200
Bełza Władysław 231
Bem Antoni Gustaw 118, 133
Benedict Ruth 50, 316
Benni Henryk 241
Bereznicki, lekarz 212
Bergman Stefan 13, 225, 324
Berry Wendell 87
Berwi Wasyl Wasylewicz (pseud. Flerowski)
 36, 171, 181, 196-197
Białoblocki Bronisław 194
Białowieski Adam 37-39, 254
Biały Franciszek 232, 319
Biały Lucyna 232, 319

- Biegeleisen Henryk 19, 258, 277
 Bielecki Leon 200, 233
 Bieliński Wissarion Georgiewicz 172
 Bielski Marcin 213
 Bienkowski Wiesław 221
 Biernacka Maria 21, 316
 Blaim Artur 48, 322
 Blanqui Louis Auguste 162
 Block Aleksander 38-39
 Blumer Herbert 75
 Błoński Rafał 252
 Boas Franz 88
 Bobochow Sergiusz Mikołajewicz 37
 Bobrowski Tadeusz 145, 323
 Bobrzyński Michał 277
 Bochowicz Lucjan 219, 323
 Bogdanowicz (Bohdanowicz) Adam Jegorowicz 273, 312-313
 Bohdanowicz Florian 203, 253, 310, 323
 Bohdanowicz Karol 13, 116, 323
 Bohuszewicz Franciszek 230
 Borejsza Jerzy Wojciech 179, 315
 Borejszo Zofia Andriejewna, Iwanowa – patrz Iwanowa-Borejszo Zofia Andriejewna
 Borkiewicz Seweryn 270
 Borowski Konstanty 92, 324
 Borowski Konstanty Rinaldo – patrz Borowski Konstanty
 Bourget Paul 31
 Brandys Kazimierz 105
 Brock Peter 173
 Broda Marian 176-177, 317
 Brodziński Kazimierz 55-56, 184
 Brożek Ludwik 231, 263, 266-268, 318
 Bruchnalski Wilhelm 241
 Brückner Aleksander 261
 Brunnow Maria 232
 Brunnow Szymon 232
 Brzeziński Mieczysław 200, 202, 204, 239
 Brzęk Gabriel 93, 322
 Brzozowski Leopold Stanisław 239
 Brzozowski Stanisław 141, 220
 Bucewicz Nestor 233
 Büchner Karl Georg 162
 Buckle Henry Thomas 139-140, 162-163, 220, 316
 Bujak Franciszek 218, 222, 264, 281, 283, 317
 Bujnicki Tadeusz 53
 Bujwid Odo 235
 Bukowiecki Stanisław 310-311
 Bukowiński W. 221-222
 Bukowski Ferdynand 180
 Bulewicz Stefan 180
 Bulik Teodor 266
 Bulhak Władysław 239
 Burszta Józef 17
 Butkiewicz Tadeusz 237, 319
 Bydłoń Antoni 159, 316
 Bystron Jan Stanisław 17, 20, 66, 261, 316
- C**
- Camus Albert 125
 Carrithers Michael 227, 316
 Cegielski Hipolit 131
 Cendrowska G. 99
 Cetnarowski Michał 213
 Chałasiński Józef 72-73
 Chałubiński Tytus 127, 221
 Chlebowski Bronisław 51, 321
 Chłodziński Józefat 148
 Chłędowski Kazimierz 66
 Chmielecka Ewa 10, 318
 Chmielowski Piotr 163, 192, 220, 226, 241, 246, 277
 Chrzanowski Ignacy 117, 241
 Chwałba Andrzej 196, 206, 315
 Chymkowski Roman 74, 321
 Ciechanowicz Jan 19
 Ciecierski Faustyn 252
 Ciekliński Wasył 38-39, 253
 Cieński Andrzej 47-51, 65, 78, 81, 321
 Ciesielski Stanisław 20, 310, 316
 Cinciała Andrzej 232, 266, 268
 Ciszewski Stanisław 17, 224, 261, 270
 Cohn Helena 200
 Comte Auguste 35-36, 55, 147, 158, 164-166, 192, 194, 225, 322
 Conrad Joseph właśc. Józef Teodor Konrad Korzeniowski 213
 Curie Maria, Skłodowska – patrz Skłodowska-Curie Maria
 Cybulski Napoleon 261
 Cynarski Jan 145
 Cywińska Antonina 232
 Cywiński Hieronim 39, 232
 Czacki Tadeusz 14, 129, 218, 323
 Czajkowski Antoni 119
 Czajkowski Mikołaj 171-172
 Czapliński Przemysław 90
 Czapliński Władysław 67
 Czarnecki, nauczyciel 118
 Czarnecki Stanisław 226
 Czartoryski Adam Jerzy 128-129, 140, 218, 281
 Czartoryski Adam Kazimierz 284
 Czekanowski Aleksander 252, 323
 Czekanowski Jan 17, 258-259, 316, 318
 Czepulicz Ryszarda – patrz Czepulicz-Rastenis Ryszarda
 Czepulicz-Rastenis Ryszarda 138
 Czerepica Walery 29-30, 34-35, 37, 95, 179-181, 193, 230, 310, 315

- Czerwińska Małgorzata 45, 105-106, 321
Czerny Zygmunt 31, 46, 322
Czernyszewski Mikołaj Gawryłowicz 163, 172
Czerwiński J. 248
Czerwiński Teodor 118
Czeważewski W. 162
Czrelajew 39
Czujowa M. 142, 319
- D**
Dalecka Wanda 186
Daniłowicz Antonina – patrz Daniłowiczówna-
-Zmaczyńska Antonina
Daniłowiczówna-Zmaczyńska Antonina 180,
198, 230-231
Daniłowicz 273
Daniłowicz Ignacy 273
Dargun Lothar 18, 259-260, 269, 271
Darwin Erazm 104
Darwin Franciszek 23, 104, 323
Darwin Karol 23, 53, 104, 162-163, 172, 220,
323
Darwin Karolina 104
Darwin Katarzyna 104
Daszyńska Zofia 273, 277
Daszyński Ignacy 234-235
Dawid Jan Władysław 235, 239
Dąbrowski Jarosław 195
Dąbrowski Józef (pseud. Józef Grabiec) 114,
323
Dąbrowski Kazimierz 200
De Man Paul 31, 44-45, 51, 321
Delanow – patrz Dielanow Iwan
Demetrykiewicz Włodzimierz 261
Denzin Norman K. 100
Detko Jan 195
Dielanow Iwan 131
Diksztajn Szymon 205
Dilthey Wilhelm 69-70, 101
Długosz Jan 111
Dłuski Jan 38, 253
Dłuski Kazimierz 139, 195-196, 198, 204-205,
323
Dmowski Roman 113-117, 119-122, 124-126,
129-130, 132-136, 162, 239, 241-242, 320
Dobrolubow Mikołaj Aleksandrowicz 172
Dobrowolski Antoni Bolesław 153
Dołguszyn Aleksander 151
Dorn, pułkownik 92, 182, 190
Dorne Eryk 170
Doroszewski Witold 49, 77
Draper Henry 163
Dreling Antoni 148
Dreling Lucjan 148
Drobysz-Drobyszewski Aleksy 200
Drużinin, nauczyciel 133
Dubacki Leonard 39
Dubiecki Marian 231
Dulęba Anna, Tanalska – patrz Tanalska-Dulęba
Anna
Durasewicz Marian 148
Dwernicki Tadeusz 235, 241
Dyba Marian 65-66, 321
Dybowski Benedykt 93, 170, 186, 236, 252, 324
Dygasiński Adolf 192, 222, 239, 285
Dyrmont Adelajda 180
Dyrmont Eufrozyna 180
Dyrmont Natalia 180
Dziabala Stefan 84
Dziadzio Andrzej 273
Dziankowski Ludwik 198, 200, 202
Dziewulski Eugeniusz 221
Dziurzyński Dariusz 31
- E**
Eile Stanisław 117-118, 322
Eisenberg Filip 234
Elmanowicz, nauczyciel 274
Estkowski Ewaryst 131, 134, 274
Estreicher Karol 219, 262
Ewar, nauczyciel 118
- F**
Faraday Michael 154
Farnik Ernest 267
Fedewicz Maria Bożenna 31, 44, 321
Fedyński, dyrektor gimnazjum 120
Feldman Wilhelm 234-236, 323
Feliński Elżbieta 60, 322
Felińska Ewa 252
Feliński Zygmunt 37
Fischer Adam 105
Fischer Adam, sekretarz PTL 18, 241
Fischer Domicela 105
Fita Stanisław 257, 318
Forszteter Henryk 238
Fourier Charles 162
Fox Peter 178
Franko Jakowycz Iwan 257-258, 272, 274, 313
Frankowski 235
Frazer James George 13
Freud Sigmund 285
Frost George Albert 39
- G**
Gajek Józef 18, 241
Gajslar Justyn Feliks 240, 311
Gall Anonim 111
Galaj Dyzma 73, 84
Garatty John Arthur 78

- Garewicz Jan 206
 Garlicki Andrzej 239
 Gawecki Bolesław J. 225
 Gazda Grzegorz 44
 Gąssowski Karol 148
 Giełżyński Witold 243
 Giera Janusz 60
 Giller Agaton 252
 Giza Anna 70, 76-77, 83, 321
 Giżycki Waclaw 148
 Glazenap, profesor Politechniki Ryskiej 147
 Gloger Zygmunt 105, 264, 277, 316
 Głotow Piotr 120
 Głowiński Michał 48, 53
 Goćkowski Janusz 10-11, 206, 250, 317-318
 Godlewski Mściślaw 270
 Gołębiowski Bronisław 73, 82
 Golownin Aleksander Wasyliewicz 128
 Gomóla Anna 21, 135, 231-232, 284, 310, 317, 320
 Goodwin James 45, 51, 321
 Gorzko Marek 72, 74, 84, 321
 Gorzycki Kazimierz Józef 81, 95, 234-236, 263, 276, 296
 Gosk Hanna 46, 56, 321
 Gottschalk Louis Reichenthal 75, 80, 84, 321
 Górzycy – patrz Gorzycki
 Grabowiecki Józef 180, 193
 Grabowski Adolf 118
 Grabowski Aleksander 200
 Grabowski Julian 239
 Grabowski Mieczysław 200
 Grad Mieczysław 56, 73
 Grendyszyński Kazimierz 263, 272
 Grendyszyński Ludomir 243, 247
 Grodziski Stanisław 159
 Gross Anna 38-39
 Gross Seweryn 38-39, 94, 172, 198-199, 214, 230, 248, 253-254, 292
 Grundtvig Nikolai Frederik Severin 234
 Gruszecki Artur 241
 Grużewska Aldona 180, 198, 200
 Grużewska Grażyna 198, 200
 Grzegorz z Nazjanzu, św. 51
 Grzelak Zdzisław 84
 Grzybowski Stanisław 159
 Gusdorf Georges 44, 50, 79, 85
 Gustawicz Bronisław 257, 261
- H**
- H.S. 105, 324
 Hajduk-Nijakowa Janina 17
 Halban Alfred 271, 276, 311
 Halbersztadt Irena 192, 315
 Hall Edward Twitchell 89, 316
- Handelsman Marcei 67, 321
 Hassewicz Stanisław 233
 Hecker Johann J. 130
 Heflich Aleksander 154
 Hegel Georg Wilhelm Friedrich 70
 Heilpern Maksymilian 200, 202
 Hejlsler (Geisler) Aleksander 118
 Helcel Antoni Zygmunt 219
 Heller Michaił 177, 315
 Heller Michał 250-251, 255, 272-273, 318
 Helling Ingeborg K. 74
 Helmholtz Hermann Ludwig Ferdinand von 153
 Hempel Jan 154
 Herbst Stanisław 67
 Hercen (Gercen) Aleksander Iwanowicz 34, 157-158
 Herder Johann Gottfried 36, 165
 Hernas Czesław 19, 46, 309
 Heryng Zygmunt 52, 172, 198, 200, 202-203, 235, 239, 277, 282
 Herz Benedykt 239
 Hillebrandt Bogdan 161, 202, 315
 Hirszfeld Bolesław 202
 Hlasko Jan 39, 199-200, 247
 Hlasko Józef 39
 Holewiński Władysław Eustachy 219, 221
 Holland Henryk 192, 322
 Homola Irena – patrz Homola-Skapska Irena
 Homola-Skapska Irena 231, 263, 268
 Honwaldówna Gabriela 232
 Horbacewicz Daniel 38, 94, 253
 Horodecki Leo 148
 Horodyska Halina 258
 Howitt Alfred William 254
 Hrabyk Klaudiusz 242, 319
 Hryncewiczowie 104
 Hube Romuald 127
 Hübner Piotr 221, 318
 Humboldt Alexander Heinrich Friedrich von 70
 Hume David 165, 317
 Hurko Josif właśc. Josif Władimirowicz Romejko-Hurko (Gurko) 246
 Hutnikiewicz Artur 117, 125, 133
 Huxley Thomas Henry 99, 278
- I**
- Ichnatowicz Ireneusz 12
 Ignacy Loyola, św. 265
 Ilgiewicz Henryka 256, 318
 Ilowajski Dymitr 133
 Iszutin Mikołaj 177
 Iwanicki Franciszek Ksawery 107
 Iwanowa-Borejszo Zofia Andriejewna 36
 Iwanowska A. 23, 104, 323
 Izbicki Władysław 198

J

- J.S. 105, 324
 Jabłoński Adolf (pseud. Julian Jasińczyk) 184, 203, 323
 Jacezak Ryszard 66
 Jakubczak Franciszek 47-48, 73-74, 76, 84
 Jakubowski Jan Zygmunt 133
 Jakubowski Marian 106, 153, 320
 Jałowiecki Bohdan 89, 317
 Jan, anachoreta 36
 Janczewski Edward 260
 Janicki Arkadiusz 22, 35, 143-149, 319
 Janion Maria 21, 110, 158-159, 182, 317
 Jankowska Maria 204
 Janowicz Ludwik 13, 203
 Janowski Jan Nepomucen 174
 Janowski Ludwik (pseud. Ludwik Tur) 140, 319
 Januskiewicz Adolf 252
 Jarecka H. 142, 319
 Jaroń Józef 112
 Jaros Jerzy 65, 321
 Jaroszewicz Józef 273
 Jarowiecki Jerzy 95, 239, 248, 319
 Jasiewicz Zbigniew 20, 310
 Jasińska Maria 78
 Jastrzębski 270
 Jatowt Maksymilian (pseud. Jakub Gordon) 184, 203, 323
 Jaworski Eugeniusz 5, 105, 123, 135, 216, 284, 317, 320
 Jaworski Stanisław 44
 Jazykowa 212
 Jean de Meun lub de Meung (właśc. Jean Clopinel lub Chopinel) 215
 Jedlicki Jerzy 9, 10, 132, 138-141, 156, 163, 222-223, 238, 315-316
 Jęgorow Boris 160, 316
 Jellenta Cezary (właśc. Napoleon Hirszbard) 241
 Jęłancew, lekarz więzienny 211
 Jeź Teodor Tomasz (właśc. Zygmunt Milkowski) 139, 163, 238, 257
 Jodko-Narkiewicz Witold 236
 Jordan Henryk 233
 Jurewicz Józef 34, 180, 230
 Jurkowski Roman 21, 316
 Juszkiewicz Antoni 81, 265

K

- Kaczmarek Jacek 87-88, 93, 100, 321
 Kaczmarek Tadeusz 177, 315
 Kałęba Beata 116, 282, 314
 Kalina Antoni 22-24, 27-31, 33, 40, 58-59, 94-95, 169, 215, 227-228, 231, 234, 236, 241, 243, 246-249, 254-255, 258-259, 261, 263, 268-272, 275-276, 294-296, 309, 313

- Kalinowie, małżeństwo 40, 63
 Kallenbach Józef 241
 Kamiński-Dłużyk Adam 252
 Kamińska Aneta 206
 Kamiński Aleksander 159, 161-162
 Kania-Jasińska Aleksandra 84, 286, 316
 Kant Immanuel 36, 165
 Kapeliś Helena 20-21, 34, 37, 310, 316
 Karakozow Dymitr 177
 Karelin Andriej 39
 Karelin Apollon 38-39
 Karger Wiktor 268
 Karłowicz Jan 17, 28, 241, 258, 260-261, 265, 269, 270, 272-276, 296
 Karłowicz Wanda 258
 Karolczuk-Kędzierska Monika 19, 310
 Karpowicz Bronisława 180
 Kasperski Edward 45-46, 51, 53-54, 56-57
 Kasprowicz Jan 235
 Kasprzewski Jacek 71, 322
 Kaszewski Kazimierz 166, 191
 Kasznica Józef 219
 Kasztelowicz Stanisław 117-118, 322
 Katz Henryk 179, 315
 Kazimierski Józef 198, 315
 Kądziała Małgorzata 21, 135, 317
 Kebeł W., profesor Politechniki Ryskiej 147
 Kelles-Krauz Kazimierz 139, 166, 221-222, 235, 322
 Kennan George (Jerzy) 39, 203, 253, 310, 323
 Kędzierska Monika, Karolczuk – patrz Karolczuk-Kędzierska Monika
 Kępa Zbigniew 163, 317
 Kieniewicz Stefan 9, 12, 22, 66-67, 92, 110, 145, 154, 175, 218, 257, 262, 264, 282, 315-316, 319, 323-324
 Kijas Artur 20, 33-34, 37, 310
 Kipiani Michał 38, 254
 Klette Henryk 239
 Kluckhohn Clyde 75, 80, 84, 321
 Klucki Ludwik 232
 Klodnicki Zygmunt 16, 28, 257, 318
 Kłosowska Antonina 50, 70, 75-76, 100-102, 316
 Kmiecik Zenon 202, 237-238, 240-245, 319
 Knysz-Tomaszewska Danuta 31, 322
 Koberdowa Irena 178-179, 315
 Kobyłański Kazimierz 200
 Kojder Andrzej 21, 314
 Kojśiewicz Ferdynand 14, 323
 Kolberg Oskar 257, 264, 277
 Kolbuszowski Edmund 257-258
 Kołakowski Leszek 165, 317
 Kołłątaj Hugo 14, 282, 323
 Kołodziejczyk Adam 121, 316

- Kołodziejczyk Ryszard 150-151, 319
 Kon Feliks 117, 162, 200, 317
 Konarska Barbara 138, 319
 Kondracki Tadeusz 272
 Koneczny Feliks Karol 81
 Konieczny, dr 81
 Konopczyński Władysław 117
 Konopiński Michał 248
 Konopnicka Maria 186, 189
 Konubajew Abaj 38, 253
 Kopeć Józef 252
 Kopernicki Izidor 17, 257, 316
 Korczarzyński – patrz Korczażyński
 Korczażyński Aleksander 36, 81
 Korczażyński Bazyli 36, 81
 Kornilow Iwan 128
 Korowaj Wanda 180
 Koryniłowicz Edward 201
 Korzeniowski Józef 127
 Korzon Tadeusz 221, 277
 Kosiakiewicz Wincenty (pseud. Varsoviensis)
 138, 143, 152, 243
 Kosiński Józef Adam 318
 Koskowski Bronisław 236
 Kosowicz, cenzor 245
 Kosowska Ewa 5, 56, 105, 123, 135, 216, 284,
 316-317, 320
 Kostecki Faustyn 118
 Kostric Maria 116
 Kościalkowski Leopold 148
 Kościalkowski Stanisław 67, 321
 Kotarbiński Tadeusz 14
 Kotzebue Paweł Ewstafijewicz 200
 Kowalczyk Alina 191
 Kowalewska Zofia Wasiliewna 215
 Kowalewski Aleksander Onufrewicz 216
 Kowalewski Józef Szczepan 252
 Kowalik Tadeusz 192, 322
 Kowalska Elżbieta 171
 Kowalski Albin 38, 200-201, 212
 Kozłowski Aleksander 52, 200, 282, 324
 Kozłowski Czesław 132, 320
 Kozłowski Władysław 222
 Kozłowski Władysław Mieczysław 224-225, 277
 Kropotkin Piotr – patrz Kropotkin Piotr
 Aleksiejewicz
 Kraszewski Józef Ignacy (pseud. B. Bolesławita)
 163, 231, 244
 Kraushar Aleksander 192, 221
 Krawczyński Sergiusz 171
 Krčák Franciszek 241, 257
 Kreisel Julian 232
 Kromer Marcin 111
 Kronenberg Leopold 221
 Kronenberg Stanisław 221
 Kronenbergowie, rodzina 214
 Kropotkin Aleksandr Aleksiejewicz 212
 Kropotkin Piotr Aleksiejewicz 151, 171, 177,
 196, 323
 Król Stefan 201, 315
 Krueger E.T. 81
 Krupiński Franciszek 166
 Krusiński Stanisław 194
 Kryński Adam Antoni 117, 224, 241, 258
 Krzemień Krystyna 69, 75, 322
 Krzywicki Ludwik 13, 17, 72, 106-108, 118-120,
 122, 132, 151-154, 160, 162, 165-166, 172,
 188, 191-192, 194-195, 198-200, 202, 204,
 222-223, 225, 230, 238-239, 243, 256, 261,
 274-275, 277-278, 322-323
 Krzyżanowski Julian 19-20, 34, 37, 46, 73, 93,
 133, 309-310, 316
 Kubacki Wacław 189
 Kubis Barbara Krystyna 67, 321
 Kuczyński Antoni 5, 16, 18-22, 27-30, 34, 37-
 -39, 43, 54, 68-69, 82, 85, 93-94, 173, 207,
 241, 243, 245-246, 249, 252-253, 294, 309-
 -311, 314, 316-317, 322-324
 Kuczyński Stefan Krzysztof 257, 318
 Kuderowicz Zbigniew 69
 Kula Witold 138, 317
 Kulak Teresa 187, 194, 317
 Kulakauskas Antanas 116, 282, 314
 Kulczycka-Saloni Janina 195, 223, 262
 Kupłowski Mikołaj 177, 317
 Kuropatwiński Franciszek 172
 Kutrzeba-Pojnarowa Anna 17-18, 224, 316
 Kutrzebianka Anna – patrz Kutrzeba-Pojnarowa
 Anna
 Kutylowski Bohdan 239
 Kuźma Erazm 86
 Kwiatkowski Aleksander 151
 Kwiatkowski Tymoteusz 151
 Kwiatkowski Władysław 45
- L**
 Labocha Janina 80, 321
 Labuda Aleksander 54
 Lafargue Paul 163
 Landy Stanisław 200
 Landy-Tołwińska Jolanta 67, 153-154, 320
 Lang Andrew 254
 Laponneraye Albert 174
 Larousse Pierre Athanase 48, 53
 Lassalle Ferdinand 163, 172
 Latoniowa Krystyna 177, 196, 323
 Lebedziński Mieczysław Ryszard 123
 Leciejewski Jan 241
 Lejeune Philippe 44, 48-49, 51, 54, 322
 Lem Stanisław 105

- Lemann Natalia 45, 48, 51
 Leokadia S. – patrz Smolak-Pożaryska Leokadia
 Leontowicz Fiodor Iwanowicz 273
 Leoński Jacek 32, 66, 72, 74, 322
 Leskiewiczowa Janina 138, 316-317
 Leś Mariusz 60, 322
 Leśniewski Czesław 173-175, 317
 Letourneau Charles Jean Marie 273
 Lewak Adam 39
 Lewin Kurt 102
 Libański Edmund 235-236
 Libelt Karol 131, 277
 Libura Hanna 89, 317
 Lichodziejewska Feliksa 241, 248, 319
 Lilien Edward 248
 Limanowski Bolesław 92, 166, 169-170, 175,
 186, 192, 204-205, 224, 231, 315, 323
 Linde Samuel Bogumił 283-284
 Liniczenko, inspektor 118
 Linton Ralph 84-85, 286, 316
 Liske Ksawery 271-272
 Lisowski Witold 123
 Locke John 202
 Londzin Józef 81, 95, 232, 235, 263-268
 Losinskij N.B. – patrz Losiński N.B.
 Lubas-Bartoszyńska Regina 44, 51, 322
 Lubbock John 17, 154
 Lubomirski Jan Tadeusz 17, 220, 316
 Lubomirski Jerzy 219
 Ludwiczak Antoni 234
 Luksemburg Róża 196, 317
 Luter Marcin 265
 Lutostański Bolesław 248
 Lutyński Jan 77, 84
 Luxemburg Róża – patrz Luksemburg Róża
- L**
- Łaguna Stosław 224, 241, 245, 271, 273-276, 296
 Ławrow Piotr 151, 171-172, 177-179
 Ławrowski Markiel Osipowicz 118
 Łepkowski Tadeusz 250, 255
 Łopaciński Hieronim 117
 Łosiew, generał 182, 190-191
 Losiński N.B. 179-180
 Łoziński Władysław 105-106, 316
 Łukaszewicz Aleksander 151, 172
 Łukaszewicz Józef 13, 203, 225-226, 324
 Łukaszewski Julian 65-66, 324
- M**
- M.D. 20, 276, 311
 Mach Anna 159, 316
 Machowska K. 142, 319
 Maciejewski Zbigniew 48, 322
 Mahrholz Werner 56
 Maine Henry Sumner 17
 Maj Jan 14
 Majer Józef 219, 262
 Majewski Erazm 28, 241, 261, 271
 Makowiecki Piotr Jemielianowicz 38, 94, 253
 Makowska Sławinia, Tynecka – patrz Tynecka-
 -Makowska Sławinia
 Malewski Szymon 140
 Malinowski Bronisław 15, 159, 213, 316, 323
 Malinowski Lucjan 15, 117, 260
 Maliński Stefan 263-264
 Malthus Thomas 38, 254
 Małysa Oksana 307
 Maniecki Stanisław 239
 Manteuffel Tadeusz 126, 320
 Marchlewski Julian 239
 Markiewicz Henryk 191
 Markiewicz Władysław 73
 Marks Karol 162-163, 172, 178
 Martuszevska Anna 53, 322
 Martz Louis L. 48
 Maruszewski Tomasz 83, 102, 108, 322
 Masłowski Ludwik 166, 248
 Maspero Gaston Camille Charles 213
 Maternicki Jerzy 53, 322
 Matulka Zofia 156, 320
 Matusiak Szymon 241
 May Georges 48, 54
 Mayne-Reid Thomas – zob. Reid Mayne
 Thomas
 Mazanowski A. 237
 McLennan John Ferguson 17
 Mead Margaret 50
 Melech Eugeniusz 177, 315
 Mencwel Andrzej 13, 173, 203-204, 317
 Mendelson Stanisław 188, 204
 Merkys Vytautas 180
 Mianowski Józef 12, 30, 220-221, 224-225,
 270-271, 293, 318-319
 Miąso Józef 130, 132, 320
 Michalski Jerzy 140-142, 318
 Michalski Stanisław 14, 154
 Michejda Franciszek 266
 Micińska Magdalena 12, 129, 137, 219, 224, 316
 Mickiewicz Adam 21, 34, 56, 158, 163, 184-
 -185, 188-190, 234-236, 257, 285, 318, 320
 Mierosławski Ludwik 175, 323
 Mieszkowski Bronisław 118
 Migdalska Małgorzata 30, 34, 95, 179, 193,
 230, 310, 315
 Mikołaj I, car Rosji 111, 116, 126, 201
 Mikołaj II, car Rosji 143
 Milius Vacys 28, 33, 41, 310, 322
 Mill John Stuart 36, 163, 165-166, 172, 252
 Mitkowski Józef 81

Mochowa Zofia, Sawaniewska – patrz
Sawaniewska-Mochowa Zofia
Mocutkowski Józef Bronisław 212
Mogilnicki Aleksander 122
Mokłowski Kazimierz 19, 28
Mokranowska Zdzisława 90
Moleschott Jakob 162
Mondszejn Bolesław 198, 200
Montucla Jean Étienne 165
Montuclas – patrz Montucla Jean Étienne
Moraczewski Wacław 235-236
Morawińska Agnieszka 89, 317
Morawski Kazimierz 260
Morawski Marian 240, 246
Morgan Lewis Henry 17, 277
Mościcki Henryk Józef 52, 200, 282, 324
Muchanow Paweł 126
Murawiew Michaił Mikołajewicz 115, 128, 324
Murawiew Michał (Wieszatiel) – patrz
Murawiew Michaił Mikołajewicz
Muśnicka Maria 232
Myczkowski Zbigniew 88
Myślicki Ignacy 231
Myśliński Jerzy 114, 234, 238, 239, 315, 319

N

Nalkowski Wacław 239
Naruszewicz, tzw. opiekun ludu lapońskiego,
Komisarz do Spraw Włościańskich 36
Natansohnowie, rodzina 214
Natanson Jakub 221
Natanson Marek 171-172, 176
Nawroczyński Bogdan 231, 320
Newton Isaac 133
Nieczajew Sergiusz 177
Niedźwiedzki Władysław 258
Niemiłowicz Władysław 257
Nietzsche Friedrich Wilhelm 213
Nijakowa Janina, Hajduk – patrz Hajduk-
-Nijakowa Janina
Nikolski Mikołaj 30, 95, 193, 197
Novalis (właśc. Georg Philipp Friedrich Freiherr
von Hardenberg) 69-70
Nowakowski Stefan 73
Nowicki Stanisław 241
Nowiński Franciszek 149-150, 172, 319
Nowohoński 36-37
Nowosilcow Mikołaj Mikołajewicz 129
Nusbaum Bronisława 103
Nusbaum Ewa 103
Nusbaum Henryk 103
Nusbaum Hilary 103
Nusbaum Józef – patrz Nusbaum-Hilarowicz Józef
Nusbaum Julia 103

Nusbaum Maksymilian 103
Nusbaum-Hilarowicz Józef 23, 53, 103-104,
106, 108-109, 192, 214-216, 250-251, 277,
318, 323, 324
Nusbaumowie, rodzina 214
Nycz Ryszard 31, 44, 321

O

Ochorowicz Julian (pseud. Julian Mohort) 187-
-190, 192
Odachowska Jadwiga 38
Odyniec Antoni Edward 55, 184, 324
Ogrodowicz B. 192, 315
Okiński Władysław 154-155, 320
Olechnowicz Mściśław 21, 310
Olkiewicz Joanna 108, 316
Olszewski Eugeniusz 140-142
Oldakowski, prefekt 119
Orgelbrand Samuel 19, 103, 107-108, 157, 310
Orłowski Józef Kazimierz 40, 240, 242-243
Orzechowski Stanisław 213
Oskocki Walenty 48
Osman Rudolf 248
Ossoliński Józef Maksymilian 218
Ossowska Maria 50, 123, 215, 317
Ossowski Stanisław 100, 102
Ostaszewski Kazimierz 151
Osterloff Waldemar 134
Osuchowski Antoni 233
Owen Robert 162

P

Paderewski Ignacy 243
Paluch Andrzej Krzysztof 17-18, 88, 322
Papłowski Jan 127
Parandowski Jan 105
Pascal Roy 105, 322
Pasenkiewicz Kazimierz 222
Paszke Jan 200
Paszkiewiczówna Justyna 232
Pawński Adolf 219, 241
Pawlikowski Mieczysław 248
Pawłowska Krystyna 88
Perl Feliks 236
Perowska Zofia 171
Petersen Julius 205-206
Piber Andrzej 240, 243
Piekarski Edward 252
Piekarski Witold 205
Pietkiewicz Onufry 180
Pigoń Krzysztof 250, 318
Pigoń Stanisław 31, 46, 113-114, 125-126, 322
Pilch Tadeusz 155, 320
Pilecki Antoni 232
Piltz Erasm 239-240, 242, 244-245, 319

- Piłsudski Bronisław 13, 16, 85, 252, 322
 Piłsudski Józef 109, 202-203
 Pini Tadeusz 56, 185, 285
 Piotr, św. 265
 Pipes Richard 176
 Pisariew Dmitrij Iwanowicz 151, 162, 172
 Piskurewicz Jan 221, 318
 Pitass (lub Pittas) Jan 233
 Piwińska Marta 182-184, 186
 Piwocki Ksawery 19
 Plebański Józef Kazimierz 221
 Plachecki Marian 109, 164, 316
 Plaskowicka Filipina 200
 Plaskowicka Zofia 200
 Plawiński Józef 200-201
 Plawiński Kazimierz 200
 Płonka-Syroka Bożena 22, 212, 315-316
 Płoski Edmund 172
 Pobóg-Malinowski Władysław 272
 Podgórzec Zbigniew 128, 324
 Podraza-Kwiatkowska Maria 186
 Pohl Gustaw 190
 Pojnarowa Anna, Kutrzeba – patrz Kutrzeba-
 -Pojnarowa Anna
 Polak Małgorzata, Szczerbińska – patrz
 Szczerbińska-Polak Małgorzata
 Pomykało Wojciech 106, 153, 320
 Popławski Jan Ludwik 187, 194, 200, 202, 235-
 -236, 239, 241, 247, 263, 317
 Popławski Zbysław 142, 319
 Posern-Zieliński Aleksander 17
 Posnett Hutcheson Macaulay 273
 Pospiełow Mikołaj 200
 Potkański Karol 241
 Potocki Józef Karol 239
 Poznański Karol 126-129, 320
 Pożaryska Leokadia, Smolak – patrz Smolak-
 -Pożaryska Leokadia
 Pożaryski Mieczysław 180
 Pożaryski Władysław 180
 Półturzycki Józef 155, 234, 320
 Późniak (Późniak lub Poźniak) de Krzywkowicz
 Władysław 233
 Pracki Witold (pseud. Witowt) 21
 Prokopiuk Jerzy 50, 316
 Proudhon Pierre-Joseph 162, 178
 Prószyński Kazimierz 202
 Prugawin Aleksiej 30
 Prus Bolesław (właśc. Aleksander Głowacki)
 221-222, 277
 Przyborowski Walery 192
 Przybylska Helena 180
 Przysański Stanisław 221
 Puchewicz Kazimierz 200
 Puszkin Adrian 27
- R**
 Radkowska Alina 241, 319
 Radziwiłłówna Ludwika 265
 Ramult Stefan 258, 274
 Redfield Robert 75
 Redlich Henryk (Karol?) 200
 Rewakowicz Henryk Karol 248
 Ricardo Dawid 172
 Rodziewicz Władysław 198, 230
 Rogalski Stanisław 200, 202
 Rojewski Tadeusz 145, 148
 Rolbiecki Waldemar 219, 257, 262, 319
 Romanowicz Tadeusz 248-249
 Romanowski Andrzej 22, 159, 229, 231, 245,
 316
 Rossowski Stanisław 248
 Rostański Józef 257, 260
 Rottengruber (Rotengruber) Hipolit 200
 Rotwandowie, rodzina 214
 Rozicki T.H. 277-278
 Rozwadowski Jan M. 261
 Różewicz Jerzy 150, 318
 Różański Stefan (?) 200
 Rukowiecki Augustyn 180
 Runyan William McKinley 71-72, 74, 322
 Rusiński Władysław 67
 Rybarski, nauczyciel 118
 Rybowski Mikołaj 257-259
 Rydzewski Włodzimierz 171, 176, 317
 Rygielska Małgorzata 5, 21
 Rymkiewicz L. 30
 Rymkiewiczówna Leonia 232
 Rzepa Teresa 32, 66, 322
- S**
 S.J. 221
 Sack Robert David 88, 322
 Sagan Iwona 89
 Saint-Simon Claude-Henri de 130, 162, 165
 Sajkowski Alojzy 47, 322
 Saloni Janina, Kulczycka – patrz Kulczycka-
 -Saloni Janina
 Salska Agnieszka 49
 Sambuk Susanna Michajłowna 30
 Sarnecka M. 177, 196, 323
 Sawaniewska-Mochowa Zofia 81
 Sawicki Jan 36, 179-181, 187, 199
 Sawinicz Jan 116, 123
 Sądziński Adam 194
 Schlegel August Wilhelm von 70
 Schlegel Karl Wilhelm Friedrich von 70
 Schleiermacher Friedrich Daniel Ernst 70
 Schopenhauer Artur 254
 Semkowicz Władysław 66
 Semler M.K. 130

- Sempołowska Stefania 126-127, 320
 Serczyk Jerzy 271
 Serejski Marian Henryk 139, 273, 315
 Seweryn Tadeusz 241
 Shaw Clifford R. 81
 Sidorek Adam 200
 Siedlecka Maria 233
 Siekow, aptekarz 39, 254
 Siemiradzki Michał 131
 Siengalewicz, dyrektor gimnazjum 120
 Sienicki Ludwik 252
 Sienkiewicz Henryk 53, 90, 192, 195, 221, 233, 277
 Sierakowski Zygmunt 103, 109-110
 Sieroszewski Wacław 52, 162, 200-204, 252
 Sikora Adam 233
 Sikora Jan 232
 Sikora Paweł 257
 Sinegub Sergiusz 151
 Skarbińska Alicja 89, 316
 Skarga Piotr 213
 Skinder Tytus 180
 Skłodowska-Curie Maria 104-105, 324
 Skłodowski Władysław 117
 Skrzypiński Piotr 117
 Skubala-Tokarska Zofia 220, 318
 Skwarczyńska Stefania 51-52, 58-60, 96, 322
 Šliūpas Jonas 243
 Sławiński Janusz 44-45, 48, 86, 321
 Smirnow, inspektor 171
 Smirnow, profesor uniwersytetu w Kazaniu 38, 211-212
 Smith Adam 172
 Smolak-Pożaryska Leokadia 34, 180, 199
 Smoleński Tadeusz Samuel 212-214
 Smoleński Władysław 135, 219-220, 224, 277, 318, 320
 Smolikowski Seweryn 166
 Smolka Stanisław 219, 260
 Snytko T. 180
 Sobolewski Jan 185
 Sokolewicz Zofia 19
 Sokołow Arkadiusz 120
 Solarz Ignacy 234
 Sordyłowa Barbara 234, 319
 Sosnowski Kazimierz 151
 Sosnowski Paweł 202
 Southey Robert 49
 Sozański Jarosław 145, 316
 Spasowicz Włodzimierz 239, 241, 245-246, 260, 262, 276, 296
 Spencer Herbert 36, 131, 154, 162-163, 165, 252, 320
 Spytko z Melsztyna 213
 Stadnicki Kazimierz 273
 Stalmach Paweł 40, 231-232, 242-243, 247, 263, 266-2683, 275, 292
 Stanisław August Poniatowski, król Polski 34, 108, 123, 158
 Stanisław Leszczyński, król Polski 123
 Staniszevska Maria 180, 230
 Stark Edward 265
 Starobinski Jean 45
 Starorypiński Zygmunt 92, 324
 Starowieyski Marek 50, 51
 Staszczak Zofia 17, 316
 Staszic Stanisław 282
 Stecki Jan 250, 311
 Strasburger Karol 221
 Straszewicz Ludwik 243
 Strawiński, nauczyciel 118
 Strojecki Igor 116, 322
 Struve Henryk 166
 Strzelecki Adolf 95-96, 242
 Strzembosz Józef 239
 Studnicki Władysław 116, 126, 128-129, 131-132, 139, 194-195, 315, 320
 Sturrock John 99
 Suchodolski Bogdan 9, 154, 218, 220, 264, 277, 282, 318
 Sulima Roch 32, 43, 322
 Sulimierski Filip 221
 Surzycki Stefan 120, 320
 Swienko Henryk 117
 Syroka Bożena, Płonka – patrz Płonka-Syroka Bożena
 Szacki Jerzy 84, 286, 316
 Szajnert Danuta 44-45
 Szczepański Jan 13-16, 18, 71-75, 81-84, 318, 322
 Szczepański Józef 200
 Szczerbińska-Polak Małgorzata 250, 318
 Szela Jakub 110
 Szemioth Mieczysław 232
 Szerwaszydze Maria 38-39
 Szklennik Ryszard 145, 316
 Szlachcicowa Irena 84, 321
 Szostakowski Leon 39
 Szperl Stanisław 118
 Szromba Zofia 257
 Szujski Józef 219
 Szulc, nauczyciel 122
 Szweykowski Zygmunt 220
 Szymański Adam 194, 200, 252
 Szymczak Mieczysław 9, 77
 Szymczak Piotr 212
 Szymor Piotr 15, 213, 323
 Szynekiewicz Sławoj 18, 316
 Szyryński-Szychmatow Aleksander Prochorowicz 116

Szyszko Józef 239
 Szyszko Leonid 151
 Szyszkow Aleksander 131

Ś

Śliwa Michał 166, 205, 323
 Śliwiński Jan 200
 Śliwowska Wiktoria 30, 68, 92, 177, 185, 191,
 196, 315, 323
 Ślósarski Antoni 221
 Śniadecki Jan 133, 140, 282
 Śniadecki Jędrzej 282
 Świdziński Karol 195
 Świerczyńska Dobrosława 257, 318
 Świeżawski Ludwik 236
 Świeżawski-Sulimczyk Ernest 224
 Świeży Ignacy 233, 266
 Święcicki Waclaw 200
 Świętek Jan 262
 Świętochowski Aleksander 127, 139, 188, 192,
 240, 244

T

Talko-Hrynczewicz Julian 104-105, 121-122,
 129, 244, 252, 261, 324
 Tanalska-Duleba Anna 227, 316
 Targalski Jerzy 30, 123, 163, 170, 198, 315, 323
 Tarnowski Stanisław 219, 260
 Tatkiewicz Władysław 100, 102, 164, 317
 Tatiana Ch. 36, 95, 165
 Tazbir Janusz 119, 226-227, 286
 Terlecka Małgorzata 19, 316
 Thieme Aleksander 117
 Thomas William Isaac 71, 75, 322
 Tkaczow Piotr 177
 Tołstoj Dymitr 128-129, 131
 Tołwińska Jolanta, Landy – patrz Landy-
 -Tołwińska Jolanta
 Tomaszewska Danuta 156, 161-162, 320
 Tomaszewska Danuta, Knysz – patrz Knysz-
 -Tomaszewska Danuta
 Tomaszewski Eugeniusz 237, 319
 Tomaszewski Jan 200
 Tomkiewiczowa Klementyna 232
 Tomkiewiczowa Maria 232
 Topij Andrzej 144-145, 317
 Topolski Jerzy 156, 315
 Trejdosiewicz Jan 241
 Troicki Mikołaj 119
 Trojan Mieczysław 310, 314
 Trzynadłowski Jan 31, 46-47, 59, 61-63, 78-79,
 218, 319, 322
 Tuan Yi-Fu 89, 317
 Tuchańska Barbara 279-280, 318
 Turgieniew Iwan 177

Turkowski Tadeusz 273
 Turski Kacper Michał 179
 Twardowski Kazimierz 66
 Tych Feliks 198
 Tylińska Ewelina 132, 134
 Tylkowa Danuta 21
 Tylor Edward Burnett 18, 36, 165, 240, 252, 277
 Tynecka-Makowska Stawinia 44
 Tynecki Jerzy 224, 317
 Tynkiewicz Klementyna 30
 Tyrowicz Marian 173, 315
 Tyszyński Aleksander 166

U

Udziela Seweryn 241, 257, 261
 Ulanowski Bolesław 66, 219
 Ułaszyn Henryk 313
 Ungar Wiktor 240
 Urbańczyk Franciszek 106, 153, 155
 Uwarow Sergiusz 131-132

V

Vapereau Gustave 44
 Verne Jules 274
 Vetulani Roman 233
 Virchow Rudolf 278
 Vogt Karl 162, 172, 278

W

Wacyk Antoni 111
 Walczowski Franciszek 111
 Walicki Andrzej 173, 176, 317
 Wałigórski, nauczyciel 118
 Waliszewski Kazimierz 243
 Warski Adolf 239
 Warylewski Jarosław 122
 Waryński Ludwik 30, 151, 198, 205, 315
 Warzenica Ewa 188, 317
 Wasilewski Zygmunt (pseud. Przygodny) 9, 22,
 83, 194-195, 222-224, 239, 257-258, 272,
 291, 323, 324
 Wasilewski, student 171
 Wawelbergowie, rodzina 214
 Wawrykowa Maria 35, 161, 170-172, 176-180,
 310, 315
 Wejtko Antoni 148
 Wereszycki Henryk 234
 Weydel Emil 241
 Węstawski Michał 231
 Węstawski Witold 231
 Wicherkiewicz Bolesław 40
 Widacka Hanna 21
 Wiczorkiewicz Paweł 128, 324
 Wielopolski Aleksander 11, 126-127, 129, 142,
 219

- Wiercieński Henryk 216-217, 238, 324
 Wierzbicki Andrzej 111, 133, 151-152, 324
 Wierzbowski Teodor 119, 226
 Więckowski Aleksander 151, 198, 200, 202, 282
 Wilczek Grzegorz 298
 Wilhelmi Janusz 13, 107
 Wiliński Kazimierz 112, 317
 Wincenty Kadłubek, bl. 111
 Wirzba Norman 87
 Wiślicki Adam 192
 Wiśniewski Antoni Onufry 200
 Witort Emeryk 34, 175, 180, 199
 Witortowa Leonia 96
 Witortowie Anna Palmira i Jan Adolf 33
 Witte Teodor (Fiodor) 115
 Witwicki Władysław 66
 WL – patrz Smoleński Władysław
 Włodarek Jan 70, 73, 100
 Wnorowski Justyn Władysław 35, 149, 172, 179-181, 196, 199
 Wojciechowski Feliks 143, 152
 Wojnarowska Cezaryna 200
 Wojtkowiak Zbysław 67-68, 77, 322
 Wolski Waclaw 248
 Wolkowicz I. 192, 315
 Wołodko Józef 232
 Wołodkówna Anna 265
 Wołoszyn Stefan 127, 131, 321
 Wołyński Artur 65-66
 Woronicz Bronisław 232
 Woronicz Michał 232
 Woronkow Seweryn 118
 Wójcik Zbigniew 323
 Wójcik Zbigniew J. 16, 18-22, 27-30, 39, 43, 54, 68-69, 82, 94, 116, 173, 207, 241, 243, 245-246, 249, 253, 294, 309-311, 323
 Wroczyński Ryszard 129-131, 274, 320
 Wrześniński Wojciech 112
 Wrześniowski August 221
 Wrzosek Wojciech 22
 Wydźga Stanisław 241
 Wrostek, sekretarz Uniwersytetu Ludowego 235
 Wysłouch Bolesław 16, 27, 29, 96, 113, 151, 166, 198, 235, 239, 241, 246, 248, 263, 294
 Wysłouchowa Maria 27, 29, 265, 294
- Y**
 Young Michael W. 15, 213, 323
- Z**
 Zaborski Władysław 269, 312-313
 Zajączkowski Andrzej 217, 238, 324
 Zakrzewska Michalina 180
 Zakrzewska Teresa 180
 Zakrzewski Adam 194
 Zalejko Gwidon 32, 77
 Zalewska Agata 31, 322
 Załęski Stanisław 240
 Zasławski Eugeniusz 151
 Zasztowt Leszek 22, 115, 117, 126-128, 131-132, 202, 229-230, 275-277, 318, 320
 Zawadzki Aleksander 200
 Zawadzki Władysław 139-140, 316
 Zawiliński Roman 261
 Zawistowicz-Adamska Kazimiera 259, 319
 Zdziarski Stanisław 240, 313
 Zelwerowicz Aleksander 170
 Zielińska Marta 182, 317
 Zieliński Gustaw 252
 Zieniewicz Andrzej 46, 56, 321
 Zimand Roman 42-43, 49, 63-64, 893, 316, 322
 Ziomek Jerzy 46, 86, 321
 Ziółkowski Marek 70, 73, 100, 322
 Zmaczyńska Antonina, Daniłowiczówna – patrz Daniłowiczówna-Zmaczyńska Antonina
 Zmaczyńska Wanda 180
 Znaniecki Florian 65, 71-72, 75, 84, 154, 156, 320, 322
 Znatowicz Bronisław 221
 Zoll Fryderyk 260
- Ż**
 Żechowski Zbigniew Antoni 166, 205
 Żeromski Stefan (pseud. Maurycy Zych) 113-120, 124-126, 129-130, 133-134, 136, 162, 322, 324
 Żmigrodzka Maria 159, 317
 Żongolowicz Antoni 230
 Żongolowicz (Żongolowicz) Alfons 198, 230
 Żukowski Władysław 243
 Żurawicka Janina 239, 247
 Żurko Jerzy 84
 Żychowski Marian 175, 179, 205, 239, 315, 320, 323
 Żygliński Mikołaj 180
 Żygulski Kazimierz 84
 Żyliński, ksiądz 185
 Żyłko Bogusław 160, 316
 Żyłko Dorota 160, 316